

Гия Канчели:

НАМ ДОСТАЛОСЬ В НАСЛЕДСТВО ЧУДО

Творческий диапазон народного артиста Грузинской ССР, лауреата Государственной премии СССР, первого секретаря правления Союза композиторов Грузии Гии Канчели на редкость широк: шесть симфоний, а рядом — новаторская работа в оперном жанре и так называемая «прикладная музыка» для театра и кино, где и модная песенка, и регтайм, и современный джаз, и претворенный фантазией художника богатейший грузинский фольклор. Таков круг интересов этого талантливого, пытливого, постоянно ищущего музыканта.

— Как вы работаете? — с этого традиционного вопроса и началась беседа нашего корреспондента И. Страженковой с композитором.

— Даже судя по интервалам между появлением моих симфоний, можно догадаться, что сочинение музыки дается мне с большим трудом (примерно 3 года на одно крупное сочинение). Процесс этот для меня долгий и мучительный. И, увы, с каждым годом я ощущаю это все сильнее. Хотелось бы верить, что слушатели этих трудностей не замечают.

Георгий Данелия рассказал однажды о том, как Гия работает в кино: «Обычно он пишет музыку до того, как фильм снят, потом смотрит отснятый материал и... пишет другую музыку. Когда же фильм закончен, Канчели, посмотрев его, нередко принимается за работу заново, не считаясь с затраченным трудом, отказываясь от самых эффектных музыкальных номеров, если ему кажется, что музыка доминирует над действием».

Итак, три года на крупное сочинение. При этом надо иметь в виду, что масштабность работ Канчели измеряется отнюдь не их протяженностью: среднее звучание его симфоний 25 минут. Лаконизм сочинений Канчели не только в стремлении к сжатию музыкального пространства, он — в точном, экономичном отборе средств, в четком конструктивном плане, в умении выстраивать «монтажи» вертикальных пластов.

— Может быть, лаконизм — влияние кинематографа?

— Я не ставлю перед собой цель писать лаконично или же, напротив, длинно — просто не умею высказываться пространно.

— Вы так последовательно служите жанру симфонии. Считаете его высшим проявлением музыкального творчества?

— Только для себя. Вообще мне кажется, что «высоких» или «низких» жанров не существует. Называя свои труды симфониями, я понимаю, что не все из моих коллег разделяют это определение. Видимо, мои симфонические опусы не отвечают рамкам традиционных схем. Но в конце концов к какому жанру их отнести — не самое главное. Могу лишь сказать, что симфония остается для меня главной формой самовыражения.

Гия Канчели избегает сюжетных толкований своих симфоний. Но они настолько образны, что иные критики проводят параллели с образительным искусством, с театром. Симфонии Канчели несут в себе элементы познания мира, композитор наделен острым чувством времени, в котором он живет. И даже когда одной из его симфоний предпослано посвящение «Памяти Микеланджело» (Четвертая симфония, удостоенная Государственной премии СССР), здесь нет стилизации «под эпоху». Неприимная борьба идей, победа человеческого разума и духа — так можно было бы определить ее образный строй.

Известно, что художественный результат не может быть осуществлен в музыкальном искусстве без интерпретации. Джансуг Кахидзе — не только дирижер, исполнитель всех симфоний Канчели.

— Когда я пишу свои симфонии, всегда представляю себе за пультом Джансуга Кахидзе. Должен сказать, что сильный след в моей жизни оставило общение и с такими крупными дирижерами, как Геннадий Рождественский, Юрий Темирханов, за рубежом — Курт Мазур.

— Известен ваш творческий союз с Робертом Стурра в Театре Руставели, а в кино — с Эльдаром Шенгелая и Георгием Данелия. Зрители полюбили такие фильмы, как «Не горюй!», «Несколько интервью по личным вопросам», «Мимино», «Слезь каналы», «Голубые горы, или Неправдоподобная история». Сравнительно недавно увидела свет ваша опера «Музыка для живых» (Тбилисский оперный театр показал ее в Москве). Этот очень важный по теме спектакль, ярко антимилитаристский решен неординарно.

— Я никогда не думал, что напишу оперу. До недавних пор к вокальной музыке я не обращался. Но то, что Кахидзе встал за пульт Тбилисского оперного театра, а Стурра взялся ставить и сам написал либретто, решило дело. Я отважился принять участие в создании спектакля. Конечно, он может вызвать недоумение у приверженцев традиционного оперного жанра, но осуществить его вне оперного театра было бы невозможно.

— Почему именно оперного?

— Как ни странно, сегодня жанр оперы оказался самым консервативным, тогда как по своим возможностям он призван идти в авангарде музыкального искусства. Ведь опера обладает мощнейшими средствами выразительности, поистине неограниченными возможностями: огромный хор, оркестр, балет, солисты — больше нигде вы не соприкоснетесь с таким уровнем синтеза. Но вот почему-то нормально воспринимаются поиски и эксперименты практически во всех жанрах, кроме оперы. Но если в оперу — на равноправных началах с музыкой — волеется интересная режиссура, то публика в оперный театр будет ходить с большим энтузиазмом. Работа с Робертом Стурра уже сама по себе стимулирует эксперимент. Его режиссерское видение всегда оригинально. Но при этом заметьте: в «век режиссуры» Стурра ставит в равные ряды все составные своих спектаклей, в том числе музыку. Оригинальность его идей не только в смелости метафор, он силен художественной правдой, и всегда — актуальностью идеи. В его творчестве одновременно могут сосуществовать фарс, балаган, цирк и высокая трагедия. И мою «музыкальную пестроту» он выстраивает в такое единое целое, которое работает на выявление идеи.

— А как вы пришли в музыку?

— Довольно сложно. Закончив музыкальную семилетку, заниматься музыкой перестал надолго. И только будучи студентом Тбилисского университета, всерьез решил вернуться к музыке.

— Кого вы считаете своими предками по «музыкальным генам»?

— Называть имена я не стану, так как одно тянет за собой другое — в глубь веков. Мне кажется, слово «учитель» — больше, шире, чем персональная личность, это целые направления, которые оказываются тебе близки. Самое сложное заключается в том, чтобы не быть похожим на то, что тебя так увлекает, — ведь опасность попасть под обаяние так велика! Так что, если созданное окажется не похожим на то, чем ты восторгаешься, это уже хорошо.

— Ну, а «музыкальный воздух» Грузии, Тбилиси?

— Это сложный состав. Музыкальный быт Тбилиси, в котором я рос, неповторимый, возвышенный, интереснейший. Он объединяет в себе и Запад, и Восток, и итальянскую песню, и мугамы. Он выражает грузинский дух. Но это явление никак нельзя путать с грузинским национальным фольклором. Вот эта область — очень древняя, самобытная и чистая — для меня во многом загадочна. Нам досталось в наследство чудо. Я, например, считаю, что грузинская полифония вообще аналогов не имеет. И, как бы вам сказать, я не решаюсь прикасаться к этому чуду, другими словами, использовать созданные когда-то в народе шедевры в своей музыке. Мне кажется, возможности фольклора поистине неисчерпаемы по формам, приемам, манере.

— Не кажется ли вам, что в наши дни тенденция «выражаться проще», задевшая все виды искусства, заметна и в музыке? Что в благозвучии мелодии, гармонии столько свежести для сегодняшнего перенасыщенного восприятия?

— Я не стал бы здесь упрощать. Для многих ярко выраженный тематизм — это мелодия, которую легко запомнить. Для меня это не так, это только одна из разновидностей тематизма. А кроме того, я не считаю, что тенденция к «упрощению» (в хорошем смысле слова) возникла сегодня. Разве не было это и в начале века? Ведь ценность художественного произведения определяется не простотой или сложностью выражения, а глубиной и значительностью мысли, способной увлечь и захватить слушательскую аудиторию! И если результат достигнут, средства выражения остаются предметом обсуждения специалистов. Лично же для меня упрощение выразительных средств отнюдь не равнозначно упрощению художественного замысла.

Последнее сочинение Г. Канчели — «Светлая печаль» — написано к 40-летию Великой Победы и посвящено детям, погибшим в Великой Отечественной войне. Есть своя высокая символика в том, что заказ на такое сочинение получен из ГДР (в настоящее время оно не только исполнено, но и издается там). В нашей стране оно звучало, помимо Тбилиси, в Москве и Ленинграде.

— Я считаю его самым дорогим из того, что пока написал. Я не счел возможным назвать его симфонией — сочинение это для двух солистов мальчиков, хора мальчиков и большого симфонического оркестра (при исполнении мы используем и некоторый момент театрализации). Произведение многоязычно — в нем использованы фразы Гете, Шекспира, Пушкина, Г. Табидзе. Как и оперу, эту музыку я посвятил детям.